

РЕЦЕНЗИИ

Gerta Hüttl-Folter. Die trat/torot-Lexeme in den altrussischen Chroniken. Ein Beitrag zur Vorgeschichte der russischen Literatursprache. — Wien; Verlag der österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1983. — 390 S.

История русского литературного языка пополнилась еще одним ценным научным исследованием, книгой известного профессора Венского университета Г. Хюттль-Фольтер „Die trat/torot-Lexeme in den altrussischen Chroniken“ (Вена: Изд-во Австрийской Академии Наук, 1983)¹.

Книга состоит из предисловия (с. 9—19), примечаний и указателя (списка) принятой в работе терминологии (с. 21—24), вступления (с. 25—35), четырех частей (с. 37—344), состоящих из отдельных глав — их в книге 24 и списка анализируемой лексики, резюме (с. 345—346), заключения (с. 347—353), списка использованной литературы (с. 354—372) и словаря (с. 373—390).

В центре внимания исследователя — Г. Хюттль-Фольтер — находится значительный культурно-исторический памятник Киевской Руси — „Повесть временных лет“ по Лаврентьевскому списку (далее — ПВЛ Л). В книге содержится языковой анализ

этого древнейшего летописного свода, основанный на статистическом учете дифференциальных признаков восточнославянских и церковнославянских элементов, рассматривается взаимоотношение этих элементов, особенно в области неполногласной и полногласной лексики, как „наиболее ярко маркированных признаков“ (с. 15).

Кроме синхронного описания лексических взаимоотношений полногласной и неполногласной лексики, Г. Хюттль-Фольтер в данном исследовании делает попытку выяснить причину этих взаимоотношений, что, как отмечает она сама (с. 15), выгодно отличает эту книгу от предшествующих работ. Книгу Г. Хюттль-Фольтер определяет общая концепция, а именно, что языковая ситуация в Древней Руси характеризовалась диглоссией (с. 15, 28—29)². В рамках такой концепции анализируются указанные взаимоотношения. Наряду с этим выдвигаются и другие факторы — социолингвистические, психолингвистические и прагматические. Анализируя язык летописи в целом, Г. Хюттль-Фольтер отмечает причины, вызвавшие

¹ Проф. Г. Г. Хюттль-Фольтер — известный австрийский русист. Ее работы хорошо известны в нашей стране. См., напр.: Филин Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка. — М.: Наука, 1981, с. 33, 35, 42, 46, 80, 81, 177, 236, 237.

² В этом плане Г. Хюттль-Фольтер придерживается концепции Фергюсона — Успенского. См.: Успенский Б. А. Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка: Доклад на IX Международном съезде славистов (Киев, 1983). — М.: Изд-во МГУ, 1983, с. 5 и др.

нарушение дополнительной дистрибуции в применении литературного и народного языков в летописях (с. 33–35). В итоге автор как бы проверяет высказанную ранее мысль о том, что язык летописи по своему характеру является „смешанным“ (с. 33)⁴ с помощью церковнославянского языка уже невозможно передать весь „диапазон восточнославянской действительности“. Так, обычными в „Повести временных лет“ становятся слова, не имеющие церковнославянских эквивалентов. Напр.: *ѡвѣрица* ‘монета’, *колодникъ* ‘преступник, узник’, *лодьа* ‘лодка’ (с. 33–34) — последнее вообще русизм, закрепленный узусом (Л. С.), *перевѣщице* ‘большая сеть для ловли птиц’ (с. 236 и др.).

В книге Г. Хюттль-Фольтер представлен большой лексический материал. Каждая лексическая единица анализируется отдельно, так как язык разных повестей, рассказов и сообщений об исторических событиях отнюдь не однороден. Тематически связанный текст ПВЛ Л, по мнению автора, написан в основном на церковнославянском языке. Но так как автор книги не раскрывает содержание термина „тематически связанный текст“, то есть возможность полагать, что имеются в виду части „Повести временных лет“ религиозного содержания (напр., речь философа и т. п.). Главное же внимание автора сосредоточено на контекстуально маркированных русизмах и прежде всего на полногласной лексике. Самым важным результатом этого анализа является вывод: употребление полногласных слов явно мотивировано (поскольку они имели церковнославянские соответствия и, следовательно, были заменимы). Их функция — подчеркнуть соотношение между изложенным в летописи и Русью, т. е. русизмы служат для „актуализации передачи действительности“. Известные до сих пор мотивации —

прямая речь или реалистическое описание событий с помощью русизмов — лишь частные аспекты этой тенденции. Суть основной мотивации, как отмечает автор, заключается в том, что полногласные слова относятся исключительно почти к Руси, т. е. к восточным славянам, варягам и к русской территории, а не к другим народам или странам (с. 96–97). По данным Г. Хюттль-Фольтер, в ПВЛ Л насчитывается всего лишь 12 исключений, относящихся не к Руси. Этот факт приводит к мысли, что полногласная лексика была первоначально всегда маркированной: и генетически, и контекстуально и, наконец, функционально. Неполногласная лексика, наоборот, была немаркирована во всех этих отношениях. Что касается основной мотивации, церковнославянские могли называть любой предмет, „родственный или заимствованный“.

Нельзя не согласиться с Г. Хюттль-Фольтер, что наличие полногласной лексики тесно связано с возникновением первой из дошедшей до нас национальной летописи, относящейся к XII в. „Хотя языковая ситуация периода создания летописи не позволяла составить ее на народном языке, все же „русский налет“ — вполне естественное явление, свидетельствующее о патриотизме составителя этого замечательного памятника“ (с. 169).

При сопоставлении ПВЛ Л с Ипатьевским списком (далее: ПВЛ Ип.) (20-е гг. XV в.) автор обнаружила, что основная мотивация употребления полногласной лексики уже вытеснена в последнем памятнике. Вместо нее усилилась тенденция использования русизмов в прямой речи, с одной стороны, и стилистического варьирования, с другой (с. 282–297).

Книга Г. Хюттль-Фольтер содержит цитаты и комментарии ко всем полногласным и неполногласным лексемам в ПВЛ Л, списки словарных гнезд всех слов, встречающихся в ПВЛ Л, ПВЛ Ип, в 1-й Новгородской летописи, в Суздальской, Ки-

⁴ Хюттль-Фольтер Г. Диглоссия в Древней Руси. — Wiener Slavistisches Jahrbuch. Wien, 1978, t. 24, S. 117–118.

евской и Галицко-Волынской летописях (с. 302–324).

В заключение книги автор сравнивает неполногласную лексику этих летописей с соответствующей лексикой современного русского литературного языка (по списку А. А. Шахматова и данным о народных говорах) и приходит к выводу, что „подавляющее большинство корней с *igrat*, существующих в настоящее время, уже зарегистрировано в древнерусских летописях (хотя словарные гнезда, очевидно, сильно и постоянно изменялись в течение веков)“; этот факт, по мнению автора, подтверждает высказанную гипотезу о том, что „ядро лексических взаимоотношений полногласных и неполногласных слов было выработано уже в древнерусский период“ (с. 349–353).

Книга Г. Хюттль-Фольтер отличается систематичностью изложения, полнотой материала и всесторонним освещением трак-

туемых вопросов. Автор внимательно изучила и умело использовала всю литературу предмета. Ее труд займет достойное место среди работ, освещающих проблему полногласной и неполногласной лексики: он, как и исследования советских ученых Т. Н. Кандауровой, Н. Е. Маркаръя, Л. М. Устюговой, О. Г. Пороховой и др., во многом помогает решению проблемы стилистической маркированности и нейтральности полногласия и неполногласия древнерусского и церковнославянского языков. Взаимодействие этих элементов, возникшее в древнерусском языке, было важным и значительным в формировании русского литературного языка.

Книгу Г. Хюттль-Фольтер с интересом прочтет каждый, кто занимается вопросами истории русского литературного языка.

Л. Судавичене